

Лев Аннинский

Пути чемпионки

Перечитывая Татьяну Любецкую

Я с умилением писал о дебюте Татьяны Любецкой: в составе советской сборной она выиграла фехтовальный чемпионат мира. На мое третьеразрядное сознание этот молодежный успех подействовал потрясающе, и я ждал, как Любецкая проявит себя в литературе.

Проявила — персонаж, поднявший к поцелую приглянувшуюся красотку, роняет ее на пол!

Смысл в том, что происходит это не в родимой России, а в заграничной экскурсии, с целью показать западным свидетелям, что мы, русские, вольны делать друг с другом все, что захочется. Уронил на пол. Поднял. Извинился. Выслушал такое же чистосердечное извинение. При влюбленности можно все! На пол — так на пол в приличном (публичном) месте. А чтобы свидетели-европейцы поняли смысл эпизода, герой называет себя по-иностранному — Бретером, заодно и объясняя, что это означает.

Означает вот что: Бретер — это любитель дуэлей, наводящий немедленную справедливость (отправляющий партнершу или партнера на пол хоть в своем, хоть в чужом сюжете).

Наглядный эпизод для девочки, готовой дебютировать в роли неотступной красотки. А уж ситуацию подскажет реальность.

У Любецкой это война.

Война и музы

Если вы думаете, что в повести Любецкой вам предлагается разгадка войны, вспыхивающей посреди мирного времени, — разгадки не будет. Будет узел причин и следствий. И их связь в самый разгар кровавой реализации. Которая происходит загадочно. И непредсказуемо.

Надо только вникать в то, что спрятано в деталях свершившегося. Там — разгадки.

Вот старый чемодан, давно забытый в дедовских вещах. Раскрываешь. Какие-то выцветшие конверты, и в них...

В них — письма дедушки, пропавшего без вести в разгар мобилизации, и бабушки, сохранившей эти письма.

(Знаю по опыту: Батя ушел на фронт и пропал без вести, мама до самой смерти не позволяла трогать его бумаги на письменном столе.)

Внуки читают то, что в смертный час написали их деды. И укрыли от потомков.

Почему укрыли? Чтобы сберечь нервы, души и чувства внуков.

Это объясняет сюжет повести. Что там? Расставание и переписка уже почивших дедушки и бабушки. И юмор в именовании их батальона: батальон имени Чайковского!

Внуки это читают, чувствуют, как разрываются сердца. Их сердца. В унисон сердцам дедов.

Наши читательские сердца

«Из всех консерваторцев лишь известный пианист Эмиль Гилельс пришел с авоськой, в ней болтались кружка да полотенце. Остальные не захватили даже этого. Никто ведь толком не знал, останутся они в Москве или выступят врагу навстречу. Гилельс так и спросил у командира батальона: «Мы будем защищать Москву тут, в Москве, или же сразу выступаем? И если выступаем, то как далеко?» И комбат, хитро улыбнувшись (а комбаты всегда улыбаются хитро), ответил: «До Ла-Манша». Гилельс засмеялся, но тут же осекся — рядом вдруг кто-то зарыдал безысходно, в голос, как сто и тысячи лет назад. Смеются и плачут — провожают своих на войну.

Смех и слезы в нерасторжимости! Батальон — имени Чайковского...

И вот уже ополченцы начали строиться. Лидочка смотрела на Лёву и не понимала, как это он сейчас уйдет и оставит ее одну с доченькой! А он то и дело к ней подходил, целовал, успокаивал.

Профессор МГУ вежливо скомандовал: «Стройтесь, пожалуйста...» И комбат, возмущенно округлив глаза, его вразумлял: «Не говорите, “пожалуйста”, надо же по военному!» — «Да, да, конечно, — смущенно улыбнулся профессор и немного погодя говорил: “Шагом марш... пожалуйста”».

Эта полная юмора вежливость сродни готовности к гибели. С этого и начинается описание проводов. С диалога жизни и смерти.

Ополченцы четко шли строем, а рядом, стараясь не отставать, — шел параллельный отряд провожающих. Лидочка семенила рядом с твердо прихрамывающим Лёвой и растерянно улыбалась. Ее Лёвочка такой веселый, талантливый... Но у него же больная нога! Внезапно она остановилась, схватила его за руку: «Тебе же нельзя... твоя нога!» — «А кому можно? Другим, да? Неталантливо, Лидочка, и стыдно... Тут у нас профессор МГУ вообще без ноги — на протезе! Так он это скрыл и тоже записался в Ополчение. И имей в виду, если верить лейб-медику Наполеона — раны у победителей заживают быстрее».

Лидочка виновато потупилась. Лёва никогда не говорил с ней т а к... Он все шутил и вечно всех разыгрывал... И вот уже в пестром, смятом хоре слышалось: «Жди меня! Жди-и-и...» — кричал он, уже подчиненный ритму ополчения.

Есть один запредельный выход из смертельной ситуации: идущий на фронт должен быть готов умереть за Родину. Это и есть война — с высоты Всевышнего. Но как живут и преодолевают судьбу сотни тысяч рядовых граждан?..

Ответ пронизывает все. Каким-то краем он опирается на юмор, свойственный писательнице Любецкой. Другим краем — уходит в неизмеримую глубь, помогающую всем держаться.

Финальная сцена

...На лестничной площадке в прохладных солнечных лучах нежилось обычное земное утро. Деловито волоча ведро и тряпку, на площадке появилась маленькая старушка-уборщица. Как бы невзначай мазнув по их ногам мокрой тряпкой, она лукаво осведомилась: «Что, не спится, голубки? — И вдруг без всякого перехода тонко затынула: — Все, что было зага-а-дана-а, в свой исполнится сро-о-к, не погаснет без времени золотой огонёк...»

Это и есть мелодия войны в исполнении писательницы, пропустившей войну через душу.